

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

БИТВА ПРИ ГАСТИНГСЕ
И ПАДЕНИЕ
АНГЛОСАКСОНСКОЙ
АНГЛИИ

МАРК МОРРИС

КАРЬЕРА ПРЕСС
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Благодарности</i>	<i>ix</i>
<i>Карта Англии</i>	<i>x</i>
<i>Карта Нормандии</i>	<i>xi</i>
<i>Генеалогия (Англия)</i>	<i>xii</i>
<i>Генеалогия (Европа)</i>	<i>xiii</i>
<i>Замечание по поводу имен</i>	<i>xiv</i>
Введение	1
Глава первая. Человек, который хотел бы стать королем	11
Глава вторая. Волны данов	24
Глава третья. Бастард	46
Глава четвертая. Самые лучшие планы	63
Глава пятая. Святое воинство	85
Глава шестая. Годвинсоны	101
Глава седьмая. Заложники судьбы	117
Глава восьмая. Северный гул	128
Глава девятая. Надвигающаяся буря	141

Глава десятая. Громовержец	165
Глава одиннадцатая. Вторжение	176
Глава двенадцатая. Плоды победы	201
Глава тринадцатая. Мятеж	219
Глава четырнадцатая. Последствия	247
Глава пятнадцатая. Свои и чужие	267
Глава шестнадцатая. Хищные волки	290
Глава семнадцатая. На задворках империи	307
Глава восемнадцатая. Судный день	320
Глава девятнадцатая. Смерть и суд	350
Глава двадцатая. Зеленое дерево	367
<i>Использованные сокращения</i>	379
<i>Примечания</i>	381
<i>Библиография</i>	413
<i>Индекс</i>	427

АНГЛИЯ

0 20 40 60 80 МИЛЬ

СЕВЕРНОЕ
МОРЕ

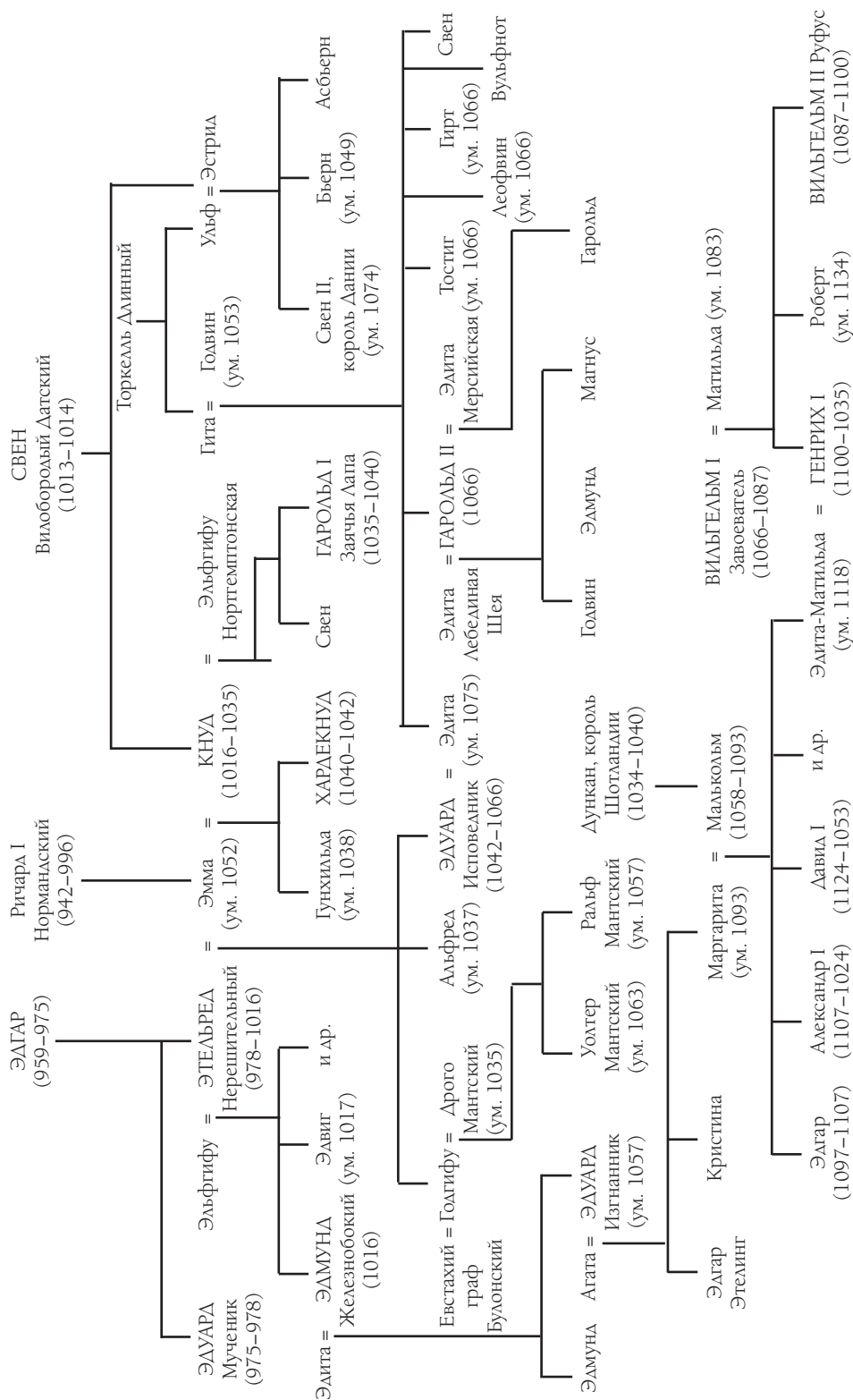
Л А - М А Н Ш

НОРМАНДИЯ

ЛА - МАН Ш

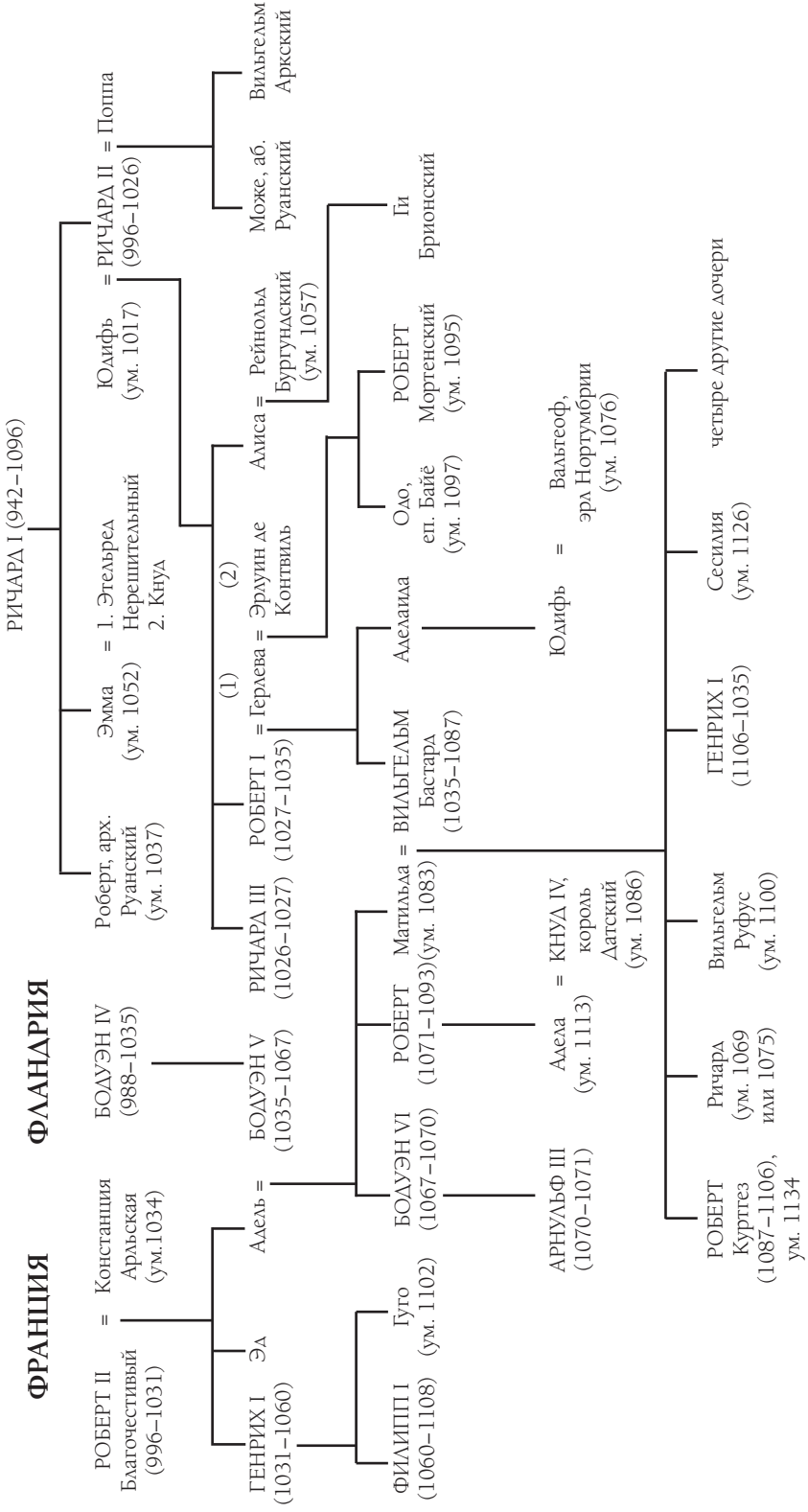

АНГЛИЯ

ЕВРОПА

НОРМАНДИЯ

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последнего тысячелетия предпринималось множество попыток рассказать историю Нормандского завоевания, но ни одна из них не была столь успешной, как версия того времени, рассказанная в картинках.

Конечно же, мы говорим о гобелене из Байё, возможно, наиболее известном среди всех средневековых источников, по крайней мере в Англии. Мы знакомимся с ним еще в школе, а будучи взрослыми, сталкиваемся с ним повсюду: в книгах и на книжных закладках, на почтовых открытках и в календарях, подушках и полотенцах, брелоках, ковриках для мышки и кружках. Он мелькает на телевидении и в кино, он пародируется в газетах и журналах. Ни одному документу английской истории не посчастливилось добиться такой невероятной коммерческой эксплуатации, представленности и влияния¹.

Этот гобелен — своеобразный фриз или история на полосе ткани лишь пятидесяти сантиметров шириной, но около семидесяти метров длиной, он изображает ключевые события перед Нормандским нашествием 1066 года и само нашествие. Строго говоря, это вовсе и не гобелен, потому что гобелены — тканые изделия; технически — это вышивка, так как его рисунки вышиты на льняном полотне. Выполнен он был вскоре после Завоевания и с конца XV столетия (скорее всего, не позже) хранится в городе Байё, в Нормандии, где его можно увидеть и сегодня.

И да, на нем нормандцы! Бесстрашно бросающиеся в сражение воины, которые грабят дома своих врагов, строят замки и сжигают замки, пируют, сражаются, спорят, убивают и завоевывают. Одетые в кольчуги, с щитами, они потрясают мечами, но чаще копьями, на них столь хорошо узнаваемые конические шлемы с плоским наносником. И всюду лошади, их более двухсот — идущие рысью, несущиеся галопом или груженные. Мы также видим построенные и готовые к отплытию корабли (числом сорок один), нормандцы садятся на них и пересекают Ла-Манш. А вот герцог Вильгельм Нормандский,

позднее известный как Вильгельм Завоеватель, его лицо гладко выбрито, а волосы собраны сзади в пучок, в стиле его собратьев — нормандских рыцарей. А вот его знаменитый единоутробный брат Одо, бросающийся в самую гущу битвы, несмотря на то что он епископ.

А вот и их враги, англичане. Такие же храбрые и воинственные, но выглядят они совершенно по-другому. Ниспадающие длинные волосы и даже еще более длинные усы, они также на лошадях, но не в бою, на поле боя они орудуют страшными топорами с длинными рукоятями. А чуть дальше — Гарольд Годвинсон, будущий король Гарольд, вот он со своим ястребом и гончими, вот он сидит на троне в короне, вот ведет армию к Гастингсу, и вот он — что помнит каждый — пронзенный стрелой, которая попадает ему прямо в глаз.

Когда видишь этот гобелен во всем огромном и многоцветном великолепии, сразу понимаешь, почему он так важен. Это не только фрагмент Нормандского нашествия 1066 года; это — окно в мир XI столетия. Ни один другой источник не позволяет так мгновенно и живо погрузиться в то далекое, ушедшее время. Сцены сражения хорошо известны и многое могут рассказать нам об оружии, доспехах и военной тактике. Но всмотритесь подольше, и вы откроете массу поразительных деталей о самых разных аспектах жизни в XI веке: кораблях и кораблестроении, одежде мужчин и женщин, архитектуре и сельском хозяйстве. Благодаря гобелену мы имеем самые ранние образы церквей в романском стиле и замков, для строительства которых использовали землю и дерево. Вполне возможно, что в одной из сцен впервые в европейском искусстве появляется плуг, запряженный лошадей².

Точной информации о создании гобелена нет, но определенно он был создан в десятилетие (или чуть больше) после тех событий, которым посвящен; а местом его производства был Кентербери (многие из запечатленных сцен и мотивов основаны на иллюстрациях, сохранившихся в кентерберийских манускриптах). Мы можем почти с уверенностью сказать — невзирая на сонм других, менее убедительных кандидатур, — что его заказчиком был вышеупомянутый Одо, епископ, который величественно изображен повсюду как движущая сила планирования и осуществления вторжения. Покровительством Одо, конечно, можно объяснить и то, что гобелен оказался в Байё, его епископской резиденции, а кроме того — и то,

что гобелен был создан в Кентербери, поскольку Одо стал эрлом Кентским сразу же после Завоевания³.

По закону средних чисел гобелен не должен был дожить до наших дней. Мы знаем, что такие замысловатые настенные гобелены были едва ли не обычным явлением в XI веке и пользовались популярностью у элиты, которая могла их себе позволить, у нас есть описания в документах того времени. Чего у нас нет, так это других сохранившихся гобеленов: все, что дошло до нас от них, — ветхие фрагменты. И то, что гобелен с нами на протяжении почти тысячи лет после того, как был создан, просто поразительно, особенно если рассматривать его историю. Впервые он появляется в письменных источниках спустя четыре века после создания, в 1476 году, в инвентаризационной описи сокровищницы кафедрального собора Байё. Из этого источника мы узнаем, что духовенство имело привычку развешивать его каждый год в соборе на первой неделе июля (для ежегодного проветривания, это помогало сохранить гобелен). То, что он уцелел в течение тех четырех веков, избежав разрушения как от катастрофических опасностей: войны, пожара и воды, так и от более обыденных: грызунов, моли и плесени, достаточно удивительно; то, что повреждения удалось избежать в Новое время, — не что иное, как чудо. Во времена Французской революции, когда соборные сокровища были разграблены, гобелен был на волосок от гибели: его хотели порезать на куски и использовать для покрытия военного фургона. Доставленный Наполеоном в Париж для выставки, он в конце концов вернулся в Байё, где несколько лет в начале XIX века хранился, никого особенно не интересуя, в городской ратуше, намотанный на внушительный стержень, так что любопытные посетители могли разворачивать его (а иногда и отрезать кусочек). Во время Второй мировой войны с гобеленом случилось еще больше приключений: нацисты опять увезли его для выставки в Париж и почти было отправили в Берлин, но не успели, и таким образом он избежал бомбежек. История гобелена после Средних веков — сама по себе захватывающая книга, но она, к счастью, уже написана⁴.

И однако, прекрасный сам по себе, гобелен является историческим источником не без оговорок. Во-первых, несмотря на свою замечательную сохранность, он, к сожалению, не цел и резко обрывается после смерти короля Гарольда. Во-вторых, как мы уже отме-

чали, некоторые его сцены созданы не на основе непосредственного наблюдения, а скопированы с иллюстраций старых манускриптов, что, очевидно, сильно уменьшает его ценность, если мы говорим о достоверности исторических сведений. В-третьих, несмотря на то что, похоже, он был сделан для нормандского патрона, гобелен удивительно (и, возможно, умышленно) уклоняется от описания событий; хотя большинство сцен имеют подписи, они также по большей части неясны и неоднозначны. Рассмотрим хотя бы вопрос, когда он вышит; большинство историков полагают, что работа над ним началась в 1064 году, но тот факт, что они не могут подтвердить этого, указывает на более широкую проблему. Наконец, рассказанная гобеленом история явно избирательна и местами явно неточна; некоторые события опущены, а другие намеренно искажены. Например, ни один источник не говорит, что Гарольд принес свою знаменитую клятву Вильгельму в Байё или что Одо героически переломил ситуацию для нормандцев в битве при Гастингсе. Гобелен — стоит повторить — действительно лишь вышивка⁵.

Мы можем говорить об искажениях в рассказе гобелена, потому что, к счастью, у нас есть другие источники, которые помогают нам разобраться, что же тогда происходило: это хроники, хартии, письма, а также произведения искусства, архитектура и археология. Ученые, которые изучают раннее Средневековье (скажем, до 1066 года), скажут, что все вместе эти источники составляют необычайно богатый корпус, и это будет правдой, по крайней мере, в сравнении с другими регионами Европы XI века и с более ранними веками в Англии. Но при этом весь материал уместится на одной-единственной полке, да еще останется место для безделушек. Для ученых же, которые изучают поздние Средние века (или, по крайней мере, период, интересующий нас), источники по Нормандскому завоеванию могут казаться удручающе недостаточными.

В качестве примера — одного из тысячи, которые повышали степень моей безысходности, пока я писал эту книгу, — рассмотрим доказательную базу для английских королей XI века по сравнению с королями XIII. Моя предыдущая книга была об Эдуарде I, он правил с 1272 по 1307 год, то есть тридцать пять лет. Благодаря огромному числу сохранившихся государственных документов того времени — буквально тысячи плотно исписанных рулонов пергамента — можно

сказать, где Эдуард находился почти каждый день: его маршруты, сведенные воедино и опубликованные в 1970-х, составили три огромных тома. Теперь сравним это с описанием перемещений Вильгельма Завоевателя, короля Англии с 1066 по 1087 год: документов, где есть точные даты и места, в лучшем случае наберется три печатные страницы. Мы не имеем никакого представления, где Вильгельм был большую часть времени; порой мы не можем даже сказать с уверенностью, был он в Англии или в Нормандии в какой-либо определенный момент. Ведь, не считая Книги Судного дня (другого чудом сохранившегося источника в этой истории), государственного архива во времена правления Завоевателя не существовало. Если у нас и есть официальные документы, то потому, что они сохранялись или копировались другими институтами, главным образом монастырями, которые получали хартии от короля, где отмечались или подтверждались земельные права или другие привилегии. Естественно, спустя 900 лет сохранность таких документов оставляет желать лучшего. И даже сохранившиеся документы редко отражают тот год, когда были выпущены, а часто они не датированы вовсе. Так что в случае с Вильгельмом Завоевателем — одной из знаковых фигур в английской истории и главным действующим лицом этой книги — мы едва ли сможем сказать, где он пребывал в том или ином году⁶.

К счастью, несмотря на всю нехватку административных документов, у нас есть хроники, — опять же по большей части благодаря усердию монахов. Эти современные истории помогут облечь в плоть то, что было лишь голыми фактами, и поведать нам о происшествиях, датах и взглядах. «Англосаксонская хроника», наш наиболее важный источник для истории Англии того периода, может многое поведать о событиях до и после Завоевания, и без нее наше понимание было бы бесконечно беднее. В то же время хроника может быть раздражающе немногословной. Например, ее запись о 1084 годе, полностью воспроизведенная, гласит: «В этом году скончался Вульфволд, аббат Чертси, 19 апреля»⁷. А об иных годах — критически важных — вообще ни слова не сказано⁷.

---

* Часть рукописей «Англосаксонской хроники» переведена на русский язык З. Ю. Метлицкой, цитаты из этих частей даны в ее переводе по: Англосаксонская хроника. СПб.: Евразия, 2010. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

Другой важной проблемой в свидетельствах современников является их предвзятость. Все писатели того периода являлись духовными лицами. И как таковые они склонны были интерпретировать повороты событий как раскрытие воли Божией. Более того, некоторые из их оценок являются чрезвычайно пристрастными. История Завоевания полна драматических поворотов судьбы и часто подлых поступков; порой ключевые игроки этой драмы стремились оправдать свои действия, заказывая, по сути, пропагандистские материалы. Некоторые наши наиболее важные источники, включая гобелен из Байё, подпадают под эту категорию и должны быть рассмотрены с большой осторожностью.

Из-за недостатка материальных источников часто нелегко, а порой и невозможно сказать точно, что случилось, — и, конечно, это заставляет делать попытки воссоздать историческое изложение фактов. По этой причине многие книги о Завоевании концентрируются на обсуждении самих исторических источников, рассматривая их под разными углами и объясняя, как разные историки дошли до разных интерпретаций. Некоторые из этих книг замечательны, но другие представляют сбивающее с толку сочетание анализа и фантазий; одни — очень современные, другие уже устаревшие; одни опираются на работы предшественников, а другие — на собственные мнения, в результате читатель остается сбитым с толку и измотанным, не понимая, кому или чему верить. Альтернативный подход — это рассказать историю в совершенно простой манере, оставив все споры и противоречия за пределами книги. Такой метод был у Эдуарда Августа Фримена, который написал всеобъемлющую историю Нормандского завоевания во второй половине XIX столетия. Как он объяснил в письме к другу, серьезная академическая дискуссия была исключительно для приложения: «Я должен был сделать свой текст рассказом, который мог быть понятен девушкам и викариям»⁸.

Не желая сбить с толку непосвященных, а с другой стороны — не желая обидеть читательниц и приходских клириков, я попытался найти середину между этими двумя крайностями и создать то, что можно назвать мотивированным рассказом. Я решил не сводить все обсуждение источников в конце книги, а представлял каждый источник по ходу рассказа — не забегая, надеюсь, вперед.

Читатели могут быть уверены, я не пропустил сочных кусков. Говорю это потому, что некоторые из читателей предполагают, что историки оставляют подобные кусочки для себя, подобно серебру высшей пробы, и преподносят их только академической аудитории. Если бы я получал монету каждый раз, когда слышал комментарии типа «мне бы хотелось узнать больше о его жене / детях / частной жизни / переживаниях», я, возможно, не стал бы богачом, но, скорее всего, смог бы хорошо пообедать. Мы все хотели бы узнать побольше об этом, но в основном это остается закрытым для нас. Одно из самых больших разочарований путешествия в прошлое почти на тысячелетие — это именно то, что многие персонажи, с которыми мы сталкиваемся, двумерные, черно-белые. Очень часто это не более чем имя на странице — тень, отбрасываемая от одиноко мерцающего пламени. Есть в этой истории короли, для которых нет достоверных описаний современниками — нет даже прилагательных. Любые попытки обсуждать этих персонажей окажутся пустой спекуляцией. Гийом из Пуатье, наш наиболее важный нормандский источник, говорил, что поэтам позволено преувеличивать то, что им известно, и так, как им нравится, странствуя по полям вымысла. Точно так же и исторические романисты наших дней не упускают возможности добавить такие вымышленные детали и подробности. И исключительно с этой точки зрения я солидарен с профессором Фрименом (в остальном довольно несимпатичной личностью), который, завершив свою довольно сложную шеститомную историю Нормандского завоевания, получил запрос от художника, желающего узнать, какая погода была в день битвы при Гастингсе. «Что за странные вещи спрашивают люди! — пожаловался он в письме к другу. — Неужели я не написал бы этого в своем труде, если бы знал?»⁹.

Поэтому я написал обо всем, что знал. Я также пытался быть максимально беспристрастным. Еще одно довольно широко распространенное восприятие Нормандского завоевания: нормандцы — это «они», а англичане — это «мы». И само собой разумеется, что нормандцы — злодеи, виновные во всем плохом, что случилось в Англии, например в феодализме и классовой системе. Такое отношение упорно порождает представление, что Англия времен до Завоевания была вполне симпатичным местом — более свободным, более либеральным, с представительными институтами и большими

правами для женщин. Таким образом, Завоевание считается во многих кругах еще и национальной трагедией¹⁰.

Но практически большая часть из этого миф. И вырос он не из свидетельств современников, а из взгляда на Завоевание из более поздних веков. В случае с положением женщин подобная предвзятость возникла совсем недавно, в XIX — начале XX столетия. Полагали, что до прихода нормандцев у женщин было больше прав, позволявших им контролировать свое имущество и решать, за кого выходить замуж. Время перед 1066 годом рисуется как золотой век, когда женщины и мужчины изнурительно работали наравне друг с другом, и только приход злобных нормандцев положил этому конец. Позже, однако, эти аргументы были полностью опровергнуты. Женщинам жилось не хуже под нормандцами, чем под англосаксами; им просто было плохо и до и после 1066 года¹¹.

Бесспорно, англичане были в ту пору сильно уязвлены случившимся — завоеванием их нормандцами. «Они строили повсюду замки и терзали несчастных людей, так что с тех пор все становилось хуже и хуже, — горестно отмечает «Англосаксонская хроника» в 1067 году. — Будет хороший конец, когда Господь пожелает». Но, как мы увидим дальше, англичане преодолели это чувство уязвленности к концу XII столетия. Представление о том, что Завоевание ввело новые и длительные формы притеснения для англичан, является делом рук писателей и пропагандистов, работавших в поздние периоды времени. Подобное представление начало развиваться не раньше XIII века, когда в Нормандии и Англии опять начали править разные династии, после чего у англичан стала развиваться ненависть к Франции, которая длилась в течение всех последующих веков. Это обозначило еще один поворот в XVII столетии, в борьбе между парламентом и короной, когда парламентарии искали золотой век английских свобод, найдя их в англосаксонском времени и объявив абсолютизм королевской власти изобретением нормандцев. Хотя такое представление было со временем изменено, триумф парламентаризма гарантировал, что оно оставалось доминантой для следующих двух веков. Его защищал Фримен, который, подобно множеству его современников, презирал все французское и нормандское и считал все германское и англосаксонское чистым и добродетельным. Фрименовская «История нормандского завоева-

ния» была, несомненно, предвзятой в пользу англичан, что породило немедленную реакцию других ученых, наиболее знаменит Джон Гораций Раунд, который высказался в защиту нормандцев¹². С тех пор ученые склонны поддерживать одну или другую сторону, саксонцев или нормандцев, вплоть до декларирования, на чьей стороне сражались бы, будь они в Гастингсе¹³.

У некоторых читателей может создаться впечатление, что в случае выбора я бы склонился к нормандцам; но это произошло бы, только если бы я знал, что они собираются победить. Я не особенный почитатель Вильгельма и его окружения. Как и все завоеватели, они высокомерные, агрессивные и безмерно довольные собой воины, а также (в этом конкретном случае) святее тебя. Но в то же время мне не очень симпатичны англичане, какими они были в XI веке, с их пьянством, рабством и политическими убийствами. Кто бы ни были те люди, они не «мы». Они — наши предки тысячелетие назад, как и нормандцы. Чтобы не прослыть более благочестивыми, чем самый благочестивый нормандский церковник-реформатор, давно пора перестать принимать какую-либо сторону.

Нет нужды говорить, что я полагаю Завоевание невероятно важным и, конечно, соглашусь с теми историками, которые рассматривают его как наиболее значимое событие в английской истории¹⁴. Многие традиционные обвинения нормандцев пересмотрены в недавние десятилетия. Часть изменений, которые, как мы когда-то думали, связаны с их приходом, как оказалось, появились в другое время и по другим причинам или вовсе не имели места. Никто сейчас не считает, что Завоевание привело к созданию деревень «ядерного» типа или сильно повлияло на развитие приходской системы; полагают, что оно должно было иметь небольшой долговременный эффект на существовавшие политические структуры, экономику или искусство.

Но даже если в этих вопросах наблюдалась преемственность, другие области претерпели драматические изменения. Нормандцы принесли с собой не только новые формы архитектуры и оборонительных сооружений, новые военные технологии, новую правящую элиту и новый язык управления; они же импортировали новую систему взглядов и морали, которая накладывалась на все, от войны до политики, религии, законов и даже положения крестьянства. Многие из этих изменений могли бы идти под заголовком «националь-

ная идентичность». Иными словами, Завоевание важно потому, что оно изменило то, что означало «быть английским»¹⁵.

И последнее: эта книга о влиянии нормандцев на Англию, не об их влиянии вообще. У нормандцев было множество других потрясающих предприятий на протяжении всего XI века, когда они захватывали Италию и Сицилию и участвовали в Первом крестовом походе на Святую землю. Эти предприятия не являются частью нашего рассказа, который сосредоточен на Завоевании 1066 года. Из этого следует, что мы будем рассматривать события в Нормандии и Франции до этого момента, но не станем уделять большого внимания событиям, произошедшим после. И еще: так как книга крутится вокруг Англии, мы не будем много говорить о других странах и людях на Британских островах. В недавние десятилетия появилось множество замечательных книг и статей, напоминающих нам, что надо рассматривать Британские острова в целом, а не Англию и ее «кельтскую окраину». Нормандцы оказали огромное влияние на жителей Уэльса и Шотландии, в конце концов. В первом поколении после 1066 года, однако, это влияние было минимальным. Некоторые кельтские летописцы того времени даже не упомянули Завоевание или отметили его лишь мимоходом как что-то, что случилось где-то, что не повлияло на них. Время вскоре доказало, что они ошибались, но это выходит за рамки нашей книги¹⁶.

Истории должны где-то останавливаться. Гобелен из Байё остановился на смерти Гарольда, но только потому, что последняя часть гобелена утеряна. Большинство ученых предполагает, что в своем законченном виде гобелен шел немного дальше и, возможно, заканчивался коронацией Вильгельма Завоевателя в Рождество 1066 года. История нашей книги также заканчивается Вильгельмом, но чуть позже, она заканчивается смертью короля в 1087 году.

Точно так же истории должны иметь начало. Гобелен начинается с событий, случившихся незадолго перед нормандским вторжением, которые, возможно, имели место в 1064 году. Чтобы рассказать эту историю так, как следует, нам необходимо вернуться в более раннее время. Но начинаем мы все-таки с того же персонажа.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ БЫ СТАТЬ КОРОЛЕМ

Гобелен из Байё открывается фигурами трех людей, которые ведут беседу, двое из них стоят и один сидит. Кто стоит — неизвестно, но вот сидящий держит скипетр, на его голове — корона, а над головой надпись *Edward Rex* — король Эдуард. Сегодня он более известен как Эдуард Исповедник. Его знаменитое прозвище появилось в 1161 году, почти через сто лет после его смерти, когда папа признал его святым. Папе было довольно того, что Эдуард совершал чудеса при жизни и что чудеса продолжали происходить и после его смерти¹.

Из описаний жизни Эдуарда не заметно, что он отличался особенной святостью. Из источников его времени видно, что он был более благочестивым, чем большинство его сограждан, но в остальном он был самым обычным человеком. Он прожил довольно долгую по средневековым меркам жизнь, умерев в шестьдесят с небольшим. На гобелене он изображен пожилым седовласым человеком с длинной бородой, и сцена его смерти является одной из наиболее важных. Дата его смерти — 5 января 1066 года — явно указывает, что Эдуард очень важен для нашего повествования. Но чтобы подобающим образом понять его, мы вынуждены отправиться в годы его юности и выяснить прежде всего, как он стал королем Англии. Это важный рассказ — один из аспектов его жизненного пути, который, несомненно, чудесен.

Англия в начале XI столетия была страной одновременно и новой, и старой. Старой — потому что ее корни уходят в далекое прошлое, когда германские племена, теперь всем известные как англосаксы, начали мигрировать на остров Британия в V веке. Эти пришлые свирепые воины сделались хозяевами южных и восточных британских земель, побеждая исконных кельтских жителей, порабощая их и заставляя перебираться на север и запад. В районах, где оседали англосаксы, появлялись и развивались новые королевства, названия которых и до сих пор остались в названиях графств и регионов: Кент и Суссекс; Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия. Будучи вначале язычниками, правители этих королевств стали переходить в христианство с конца VI века, а со временем это сделали и простые жители².

Но в IX столетии эта плеяда борющихся королевств распалась под напором новых захватчиков — викингов. Несмотря на попытки реабилитировать их в последнее время, викинги, со своей жаждой крови и славы и с отвратительными человеческими жертвоприношениями, вызывали ужас у оседлых англосаксов, которые видели, как викинги жгли их монастыри, опустошали их золотые и серебряные сокровищницы, губили их чудесные священные манускрипты, уводили в рабство их юношей и женщин и любого, кто оказывался на пути, беспощадно пронзали мечами. Одно за другим королевства англосаксов падали: первым — Нортумбрия, затем Восточная Англия и, наконец, даже Мерсия, самое могущественное из всех королевств, пало перед натиском викингов³.

Но королевство Уэссекс выдержало. Ведомые прославленным королем Альфредом Великим, а после его сыновьями и внуками, жители самого южного англосаксонского королевства упорно защищались и затем успешно дали отпор. И не только в Уэссексе. В первой половине X века западносаксонские короли стали завоевателями, двигая свои границы на север, заставляя викингов отступать и приводя соседние народы Мерсии и Восточной Англии под свое владычество. В 954 году столица викингов Йорк пала, и земли к северу от Хамбера также оказались во власти потомков Альфреда.

Выпроводив викингов, короли Уэссекса построили мощное новое государство. Поскольку их войска сильно продвинулись, то, чтобы защитить свои завоевания, они основывали укрепленные города,

известные как бурги (боро), вокруг которых создавали новые административные образования, ширь. Где когда-то были несколько борющихся между собой королевств, сейчас оказывался один источник власти. Отныне различные англосаксонские народы приносили клятву одному королю и жили под одним законом; они использовали единую серебряную монету и поклонялись одному христианскому Богу.

Но победив, короли Уэссекса позаботились о том, чтобы не выглядеть завоевателями. Стремясь не оттолкнуть своих новых английских подданных, Альфред настоятельно советовал им забыть свои прежние различия и сосредоточиться на общей христианской культуре, которая объединила их против язычников, которых они победили. Он называл себя дипломатично не саксонским королем (*rex saxonum*) в хартии, но англосаксонским (*rex angl-saxonum*), а свой народ — всех вместе — называл *angelcynn* (англичане). И дальше, пытаясь содействовать единству, он подчеркивал их общую историю, вводя хронику, которая разойдется по всем главным монастырям королевства. Примечательно, что эта англосаксонская хроника (именно под таким названием она будет известна позже) была написана не на латыни, на которой писали практически в каждом литературном углу Европы, но на обыденном языке, на котором говорили обычные люди. К концу X столетия в этом языке существовало имя для нового государства: это была «страна англов» (*Engla lond*)⁴.

Таким было королевство, одновременно древнее и современное, которое в конце концов наследовал Эдуард Исповедник. С династической точки зрения его кандидатура была безупречной: он родился в королевской семье где-то между 1002 и 1005 годами, был прямым потомком короля Альфреда (прапрапрадед). Но с точки зрения вероятности шансы Эдуарда должны были казаться исчезающе малыми, ибо он был ребенком от второго брака: шесть старших единокровных братьев уже выстроились в очередь впереди него на престолонаследие. И все же ко времени рождения Эдуарда было бы опрометчиво делать ставку на какого-то конкретного кандидата, потому что мир снова перевернулся с ног на голову. Лет за десять до его рождения, а то и раньше викинги вернулись.

Сначала они приходили небольшими группами, как делали это в прошлом, проверяя акваторию, совершали набег и затем отступа-

ли со своей добычей. Но в 991 году огромная орда викингов высадилась в Молдоне, в Эссексе, и разгромила столь уверенную в себе английскую армию, вышедшую навстречу, и с тех пор викинги стали возвращаться и жечь, грабить и разбойничать чуть ли не каждый год; ко времени рождения Эдуарда это стало почти обыденностью. Под новый, 1006 год, сообщает «Англосаксонская хроника», викинги «поступали по своему обыкновению, грабя, сжигая и убивая везде, где они проходили». Жители Винчестера, древней столицы Уэссекса, «могли видеть доблестное и бесстрашное разбойничье войско, когда оно двигалось к морю мимо их ворот, собрав добро и припасы повсюду в 50 милях от моря»⁵.

Почему могущественное королевство Англия, так славно изгнавшее викингов в X столетии, не смогло повторить это в XI? В какой-то степени потому, что викинги второй волны были частью большей, лучше экипированной и лучше организованной армии. Огромные круговые укрепления, которые они в то время строили в своих землях (в Треллеборге и других), дают некоторое представление об их мощи. Но помимо этого успех викингов стал возможен и из-за жалкого руководства в английском обществе, начиная с самой верхушки, с Этельреда, отца Эдуарда.

Так же как Эдуард имеет знаменитое прозвище Исповедник, так и его отца навсегда запомнят как Этельреда Нерешительного. Сейчас кажется, что «нерешительный» — это довольно справедливая характеристика уровня готовности Этельреда к нападению викингов и правлению в целом. Однако на самом деле «нерешительный» (*unready*) — это современное не совсем корректное прочтение его прозвища, которое на староанглийском звучит как «*unraed*», что значит «дурной совет» или «опрометчивый» (это было обыгрывание христианского имени короля, означающего «благородный совет»)⁶.

Что Этельред был опрометчивым, не приходится сомневаться: король сам признался в этом в хартии 993 года, где в ошибках своей молодости он обвинял алчных людей, сбивших его с истинного пути. С того момента он стал больше доверять миролюбивым клирикам, но они относились к нападениям викингов как к Божьему наказанию и, таким образом, видели решение проблемы в духовном

---

* В традиции русского перевода его чаще именуют Неразумным.

преобразовании: больше молитв, больше подношений церкви и между тем больше выплат дани, чтобы убедить захватчиков отступить. В действительности подобная политика лишь стимулировала викингов возвращаться снова и снова. Наконец — во времена, когда Эдуард, сын Этельреда, был ребенком, — Этельред стал проводить более решительную политику. В 1008 году, говорит хроника, «король приказал снаряжать корабли по всей Англии». Но эта смена позиции совпала с тем временем, когда Этельред доверился своему самому бесчестному советнику, презренному Эдрику «Хвату» (*Streona*), который возвысился до власти при дворе, лишая своих соперников прав, калеча и убивая. В результате английская аристократия оказалась разделена враждой и соперничеством, а это, в свою очередь, привело к катастрофическим последствиям. Например, когда вновь созданный флот в конце концов вышел в море, между двумя фракциями вспыхнули споры; двадцать кораблей дезертировали, а затем атаковали и вывели из строя остальные.

А между тем атаки викингов продолжались. В 1009 и 1010 годах большие области страны были разорены, захватчики осадили Кентерберри и пленили архиепископа^{*}; когда в следующем году он оказался быть выкупленным, они убили его, пьянствуя, и забросали бычьими головами и костями. «Все эти беды постигли нас, — говорится в хронике, — по неразумности [опять это слово *unraedas*], из-за того, что не захотели заплатить дань вовремя, а заключили мир только после того, как даны уже натворили много зла. Но, несмотря на это все — на перемирие, мирный договор и дань, — их отряды ездили повсюду, грабя, притесняя и убивая наших несчастных людей».

Конец наступил в 1013 году, когда викинги пришли во главе с самим датским королем. Свен Вилобородый, как вошел он в историю, совершал набеги несколько раз в прошлом, но на этот раз его целью было откровенное завоевание. Высадившись в Линкольншире, он быстро захватил север Англии, затем Мидлендс и, наконец, Уэссекс. Этельред отсиживался в Лондоне, когда его королевство рухнуло, но у него все же хватило присутствия духа, чтобы вывезти

---

* Святой Элфидж (архиепископ Кентерберийский), святой неразделенной церкви, стал первым архиепископом Кентерберийским, принявшим мученическую смерть.

двух своих младших сыновей, Эдуарда и его брата Альфреда, из страны. Несколькими неделями позже, встретив, должно быть, печальное Рождество на острове Уайт, король последовал за ними. Англия была завоевана викингами, и ее древняя королевская фамилия была в изгнании — в Нормандии.

На первый взгляд, Нормандия может показаться странным местом для того, кто спасался от викингов, ведь она выстраивалась как колония викингов. В начале X столетия группа скандинавов, отказавшись от нападения на Англию под воздействием королей Уэссекса, перебралась во Францию и сосредоточилась на разграблении области вокруг Руана. Подобно викингам, которые осели в Англии покоем раньше, эти захватчики прибыли, намереваясь остаться; они отличались от своих родственников в Англии тем, что были более успешными. Как ни старались короли, герцоги и графы Франции, они не смогли выжить своих новых скандинавских соседей; к концу X столетия викинги — правители Руана контролировали область, примерно соответствующую бывшей французской провинции Нейстрия. Но к тому времени она приобрела новое имя. Теперь она стала Нормандией, «землей норманнов»⁷.

Однако для Этельреда и его сыновей бегство это не было «из огня да в полымя», потому что со времени своего первого появления в этих местах норманны сильно изменились. Это было ясно видно из их имен. Первый вождь викингов звался Ролло, или Хрольв, норманнское имя. Его сыну и внуку, напротив, были даны французские имена Вильгельм и Ричард. Они также (как следует и из их имен) перешли из язычества в христианство. Постепенно и все осевшие здесь норманны сделали то же самое, рассеявшись по континенту и приспособившись к местной жизни. Они говорили по-французски, все больше и больше используя его вместо своего родного языка, а их вожди переняли стиль французских титулов: сначала граф, затем, чувствуя себя более значимым, даже герцог. В конце концов они прекратили войны с целью расширить границы Нормандии и стали связывать себя более тесными отношениями со своими соседями. Графы Вильгельм и Ричард, например, женились на французских принцессах.

До какой степени Нормандия ослабила свои связи с северными

викингами, спорный вопрос для современных историков, был также крайне важен и для короля Этельреда⁸. Когда в начале его правления викинги вернулись в Англию после долгого отсутствия, они, конечно же, смотрели на Руан как на дружественный порт. Это было удобное место, чтобы восстановиться за время зимы, да и награбленное в Англии — золото, серебро и рабов — удобнее выгрузить здесь и получить прибыль, чем плыть обратно в Скандинавию. Этельред, что очевидно, хотел отговорить нормандцев от участия во всем этом; он пытался сделать это как силой (неудачный поход на Нормандию), так и дипломатически (договор 991 года), но ни то ни другое не имело долговременного успеха, и число кораблей викингов, шедших в Руан с добром, награбленным в Англии, не уменьшалось. Королевская дипломатическая инициатива, однако, имела один результат с далеко идущими последствиями. Весной 1002 года Этельред согласился жениться на сестре нового нормандского герцога, Ричарда II. Ее звали Эмма.

Трудно, конечно, оценить человеческие качества, не говоря уже о личных отношениях, с дистанции в тысячу лет, но, видимо, надо честно признать, что, несмотря на участие папских легатов, брак Этельреда и Эммы не был союзом, заключенным на небесах. Пара, надо сказать, ладила хорошо, чтобы произвести на свет троих детей: Эдуарда Исповедника, его брата Альфреда и их сестру Годгифу. Поскольку у Этельреда уже было шестеро сыновей от предыдущего брака, производство большего числа наследников мужского пола вряд ли было высшим приоритетом. Брак с Эммой был предпринят для того, чтобы пресечь появление викингов в Нормандии как в спокойном убежище, но эта затея провалилась. И только лишь когда викинги решили завоевать Англию в 1013 году, Этельред запоздало стал пожинать некоторые плоды своего выбора континентальной невесты, благодаря которой за Ла-Маншем его, несомненно, ждало уютное гнездышко. Трудно сказать, принимала ли Эмма какое-либо участие в предложении или организации его приема. Есть свидетельства, что возможно, как отмечается в хронике, она добиралась до Нормандии отдельно как от детей, так и от мужа.

В любом случае изгнание Этельреда было примечательно коротким. Всего через несколько недель после прибытия Этельреда в Норман-

дию узурпатор, король Свен, внезапно умер, оставив без ответа вопрос, кто будет наследовать ему. Армия викингов, расположенная в Линкольншире, немедленно объявила наследником его юного сына, однако английские магнаты решили дать Этельреду второй шанс и отправили посланников, приглашая его вернуться домой — но на определенных условиях. Согласно «Англосаксонской хронике», они объявили (вот фраза, которая показывает, в чем более всего обвиняли правление Этельреда), что «законный повелитель им дороже любого другого господина, если только он будет править более справедливо, чем прежде».

Этельред, не имея сильной позиции для переговоров, естественно, согласился. Он обещал, что если подданные примут его обратно, то «будет им хорошим господином, исправит все то, что им не по нраву, простит все то, что было против него сделано или сказано». В знак его искренности посланники, которые передавали согласие короля вернуться в Англию, отбыли в сопровождении его сына, юного Эдуарда Исповедника. «После этого воцарились полное согласие и дружба, подкрепленные речами и клятвами», — говорит хроника, добавляя, что вскоре Этельред сам пересек Ла-Манш и был радостно встречен своими подданными. С этой вновь найденной тональностью национального единения король достиг единственного значимого военного успеха в своей карьере, возглавив армию в Линкольншире и спровадив данов⁹.

Однако, как только те были изгнаны, эйфория английского единения быстро улетучилась; очень скоро Этельред принялся за старое. Спустя год после его возвращения мы видим новый раунд убийств при дворе, организованных, как и прежде, его приспешником Эдриком Хватом. Но попытка короля нейтрализовать своих врагов служила только к усилению противостояния: его старший сын от первого брака, Эдмунд, теперь стал лидером оппозиционной партии. К сентябрю 1015 года ситуация в Англии опять стала тотально неуправляемой; Этельред был болен, и его наследник, очевидно, был не на его стороне. Все это происходило в тот момент, когда викинги вернулись, возглавляемые новым королем — Кнудом.

Сегодня Кнуд обычно вспоминается только в связи с историей, впервые рассказанной в XII веке, как однажды, сидя на морском берегу, он приказал волнам не мочить его. Это, к сожалению, дает

повод относиться к нему с комизмом, что не отражает его характера. «В гневе, Кнуд, ты собрал красные щиты у моря, — поет современный Кнуду скандинавский поэт, описывая вторжение 1015 года. — Жилища и дома сжигал ты, государь, когда шел вперед, хоть и был ты молод». Когда Кнуд был вынужден бежать годом ранее из Англии в Скандинавию, он заявил о своем разочаровании действиями англичан и остановился на пути в Сэндвич, чтобы вернуть заложников, захваченных его отцом, только за минусом их ладоней, ушей и носов¹⁰.

Его возвращение в 1015 году привело к затянувшейся и кровавой борьбе за английский трон. Англичане были парализованы своими собственными распрями вплоть до апреля следующего года, когда Этельред сделал неоценимый вклад в военные усилия, упав за смертью и расчистив путь Эдмунду на трон. В течение шести месяцев новый король возглавлял духовное сопротивление — не зря его позже окрестили Эдмундом Железнобоким. Сражение следовало за сражением, и для данов это были по большей части худшие из битв. Однако в конце концов над судьбой англичан вновь нависла фатальная угроза от предательства. Эдрик Хват, который переметнулся к Кнуду при первой же возможности, снова присоединился к армии Эдмунда в 1016 году, когда казалось, что наступил переломный момент. Но когда две армии сошлись в Эссексе в октябре того же года, Эдрик дезертировал вновь, обеспечив викингам решающую победу. Смерть Эдмунда в следующем месяце, возможно от полученных в битве ран, положила конец всем разговорам о перемирии и любой надежде на английское возрождение. Корона отошла к Кнуду, и над Англией вновь встал датский король.

В этих драматических, быстро меняющихся событиях юному Эдуарду Исповеднику нет места. Мы можем предположить, помня о его роли в переговорах о возвращении отца, что он находился в Англии в течение тех лет, и можем смело отбросить более позднюю скандинавскую легенду, которая изображает его сражающимся на стороне своего единокровного брата Эдмунда, где он разрубает Кнуда практически пополам (в то время Эдуарду было не более тринадцати лет!)¹¹. С победой Кнуда Эдуард и его семья с необходимостью должны были вновь покинуть свою страну. Как могли бы с уверенностью засвидетельствовать многочисленные заложники 1014 года, новый

король не был человеком, от которого можно было ждать большого милосердия. Эдуарду повезло: перед Рождеством 1016 года он пересек Ла-Манш и вернулся в Нормандию, вероятно с младшим братом Альфредом и сестрой Годгифу. Мудрость их поспешного отъезда стала очевидной, поскольку Кнуд начал свое правление с жестокого уничтожения потенциальных противников. Битвы и естественные причины уже уменьшили число старших единокровных братьев Эдуарда с шести до одного: датский король свел это число к нулю, убив единственного выжившего, Эдвигу, в то же время казнив всех членов английской знати, чья лояльность внушала подозрение. С мрачным удовлетворением «Англосаксонская хроника» отмечает, что Эдрик Хват был среди тех самых казненных¹².

В этой бойне оказался лишь один выживший: мать Эдуарда Эмма, которая внесла вклад в стабильность нового режима в Англии совершенно иным путем. Как объясняет «Англосаксонская хроника», «повелел король, чтобы вдова Этельреда, другого короля, дочь Ричарда, стала его женой». Звучит так, будто Эмма имела выбор, который, вероятно, и был; норманнская хроника без длинных предисловий между прочим сообщает, что она была взята в плен в Лондоне Кнудом в ходе завоевания. Сама же Эмма расскажет позже другую историю: она имела намерение вернуться в Нормандию после смерти Этельреда, но обещаниями и подарками Кнуд уговорил ее остаться. Со временем утверждения Эммы смешались с полуправдой и откровенной ложью, так что есть основания не очень доверять ее версии. Однако, каким бы образом это ни случилось, добровольно или нет, Эмма стала королевой Англии во второй раз, обеспечивая тем самым преемственность при дворе Кнуда, но бросив детей, находящихся в изгнании за Ла-Маншем¹³.

С этого момента трудно проследить историю нашего героя, Эдуарда Исповедника, по вполне очевидным причинам: ну кто в то время мог думать о мальчике-подростке, чье будущее должно было казаться весьма смутным. Позже, когда Эдуард неожиданно стал королем Англии, некоторые норманнские писатели проявляли ретроспективно интерес к его юности. В монастыре Сен-Вандрилль, например, вспомнили около 1050 года, что Эдуард и его брат Альфред были тепло встречены герцогом Нормандским Ричардом II, «великодушно окружившим их заботой, как если бы они были его

сыновьями, и пока он был жив, к ним относились в Нормандии с величайшим почетом»¹⁴.

Хотя это могло быть и правдой, справедливо отметить и то, что нет доказательств того, что Ричард проявлял особый интерес к своим английским племянникам (например, они совершенно точно не получали земель от него). Некоторые историки могли бы сказать, что это было умышленно, поскольку герцог должен был участвовать в повторном замужестве своей сестры Эммы за Кнудом, что на самом деле представляло собой новый альянс между Англией и Нормандией. Одним из условий такого союза могло быть жесткое требование не предоставлять изгнанникам материальную помощь или не подпитывать их надежд вернуть английскую корону¹⁵.

Даже если это было и так, все, однако, должно было прекратиться после смерти Ричарда. В 1026 году старого герцога после длительного правления в тридцать лет сменил его тезка, старший сын, — но лишь на короткое время. Всего год спустя герцог Ричард III также умер — отравленный, как перешептывались некоторые, своим восставшим младшим братом Робертом. Глядя на события из нашего далека, невозможно сказать, что из всего этого было правдой, но Роберт определенно обижался на превосходство своего брата и быстро примерил его роль как новый нормандский правитель¹⁶.

Роберт, как вскоре стало ясно, не последовал политике своего отца — политике полного нейтралитета в отношении английских изгнанников. Согласно наиболее важному нормандскому хроникеру того периода Гийому Жюмьежскому, «герцог относился к ним [Эдуарду и Альфреду] с таким почтением, что, будучи связан с ними большой любовью, он принял их как братьев». Один современный историк недавно предположил, что это могло означать, что три молодых человека поклялись друг другу и в действительности стали кровными братьями. Такое предположение может показаться слишком дерзким, вряд ли это было столь необходимо: Эдуард и Альфред уже были, естественно, кузенами Роберту по рождению; они все родились в течение нескольких лет друг за другом и росли вместе в доме герцога. Возможно, Роберт чувствовал себя обязанным защитить дело своих кузенов¹⁷.

Вот что произошло дальше, согласно Гийому Жюмьежскому. Герцог отправил посланников к Кнуду, требуя восстановления Эдуар-

да и Альфреда. Неудивительно, что Кнуд отправил их обратно ни с чем; с этого момента Роберт задумал вторжение от имени своих двоюродных братьев. Он велел подготовить огромную флотилию со «всех морских регионов Нормандии» и собрать у берега.

Длительное время эта история рассматривалась историками как небывлица; она подозрительно похожа на события 1066 года. Самое досадное в Гийоме Жюмьежском то, что, хотя он написал свою хронику в 1050-х годах, мы знаем, что он переписал ее после Нормандского завоевания; и мы не знаем, что в ней оригинальное, а что, возможно, улучшенное, преимущественно задним числом. При этом, однако, история хроникера получает определенную поддержку со стороны сухого административного документа. Гийом Жюмьежский рассказывает нам, что флот Нормандии собирался в прибрежном городе Фекан, и хартия, выпущенная герцогом Робертом в 1033 году, показывает, что он действительно был в Фекане в этом году, вероятно во время Пасхи, сопровождаемый и Эдуардом, и Альфредом, которые появляются в списке свидетелей. Если это дает нам правдоподобную дату экспедиции, две другие хартии, выпущенные около того же времени, подтверждают мнение, что Эдуард особенно был полон надежд на восстановление своего права по рождению, ибо в каждой из них он именуется королем. Но особенно интересна хартия, выпущенная самим Эдуардом и благоволящая монахам Мон-Сен-Мишеля, о ней в другом месте упоминает Гийом Жюмьежский¹⁸.

Гийом Жюмьежский продолжает свою историю, повествуя, что корабли в Фекан приходили «тщательно подготовленными, с якорями, вооружением и хорошо подобранными людьми», но говорит о том, что эти приготовления были вскоре отменены. «Начав движение по сигналу, они стали направляться штормовым ветром, пока наконец после страшной опасности они не достигли острова, называемого Джерси». Там «флот долго простоял, поскольку встречный ветер продолжал дуть, герцог находился в крайнем отчаянии и горьком разочаровании. Наконец, видя, что не способен пересечь Ла-Манш, он направил свои корабли в другом направлении и пристал так скоро, как было возможно, к Мон-Сен-Мишелю»¹⁹.

Поскольку вышеприведенный отрывок был написан после восшествия Эдуарда на престол, жюмьежский летописец интерпрети-

ровал эту катастрофу в терминах Божественного провидения: Бог явно имел планы на будущего короля и желал, чтобы его правление наступило без пролития крови. Но вряд ли сам Эдуард тогда смотрел на случившееся столь философски. Его дар Мон-Сан-Мишелю можно, вероятно, счесть благочестивым жестом благодарности за спасение во время шторма, но тот же самый шторм, должно быть, разрушил его шансы когда-либо надеть английскую корону. В этот момент Роберт решил, что флот, собранный для похода на Англию, можно передислоцировать поближе к дому, и пошел на соседнюю Бретань²⁰.

Более того, скоро стало ясно, что появилась маленькая надежда на другую экспедицию в Англию в будущем. На Рождество 1034 года Роберт собрал знать Нормандии и удивил всех, объявив, что собирается в паломничество в Иерусалим (чувствуя вину, сказали бы некоторые, за смерть своего брата). В ближайшей перспективе это означало, что все богатства и ресурсы герцога должны быть использованы для приготовлений к этому высокочатратному путешествию. В долгосрочной перспективе это означало, что Нормандия вполне могла потерять еще одного правителя, ибо путешествие туда и обратно на Ближний Восток в Средние века таило всевозможные опасности. И такое путешествие намечалось на начало следующего года. Герцогу удалось достичь Иерусалима, где он — по свидетельствам — проплакал неделю у Гроба Господня и осыпал его драгоценными подарками. На обратном пути, однако, он заболел и 2 июля 1035 года умер в Никее, где и был похоронен своими приближенными²¹.

Новости не могли достичь Нормандии раньше осени, но с этого времени Эдуард Исповедник должен был оставить все надежды. Роберт умер, оставив единственного сына, семилетнего бастарда, по имени Вильгельм.

Но несколько недель спустя подоспели свежие новости, на этот раз из Англии. Кнуд умер, и наследник на английский престол не был назначен.

Возможно, у Бога все-таки были свои планы на Эдуарда.